

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ

ХРИСТІАНСКІЙ ЭГОИЗМЪ.

Когда одинъ изъ іудейскихъ законовѣдъ спросилъ у І. Христа, какая наибольшая заповѣдь въ законѣ, то І. Христосъ отвѣтилъ ему: „*возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою твоею и всѣмъ разумніемъ твоимъ*“. Сія есть первая и наибольшая заповѣдь; вторая же подобная ей: „*возлюби ближняго твоего, какъ самого себя*“ (Мѣ. XXII, 37—39). Такимъ образомъ при практическомъ осуществленіи нашей любви къ ближнему Евангельская заповѣдь устанавливаетъ любовь чловѣка къ самому себѣ,—она лежитъ въ основѣ нашей любви къ ближнему и предваряетъ послѣднюю.

Въ наше время отъ людей, желающихъ набросить тѣнь на христіанство, нерѣдко приходится слышать, что заповѣдь эта далеко несовершенна; такъ какъ она не выражаетъ будто бы собою всей глубины и полноты той любви, какую мы должны питать къ своему ближнему: повелѣвая чловѣку любить другого только какъ себя, она тѣмъ ограничиваетъ самую любовь, которая по существу своему должна быть безгранична и свободна и насильно втискиваетъ ее въ тѣсныя рамки, опредѣленно очерченныя словами „*какъ самъ себе*“. Если чловѣкъ, говорятъ послѣдователи этого взгляда, будетъ любить другого только какъ себя, если любовь къ ближнему не должна превышать въ насъ любви къ самому себѣ, то какое же имѣетъ тогда значеніе заповѣдь Христа о самопожертвованіи? Не является ли она тогда одною только лишнею и совершенно ненужною фразою? Въ самомъ дѣлѣ: отдать ради ближняго свою жизнь я могу только тогда, когда буду любить этого ближняго больше себя, когда буду цѣнить его больше своей жизни. А если такъ, то само-собой становится понятнымъ, какъ недостаточно любить ближняго только по заповѣди, то есть только „*какъ самъ себе*“. Да и самая любовь чловѣка есть ничто иное, какъ эгоизмъ, совершенно несвойственный религіи самоотреченія и самопожертвованія, какою является христіанство. Поэтому защитники вышеприведеннаго взгляда въ правственное руководство даютъ такой совѣтъ: люби всѣхъ больше, чѣмъ

любви себя, потому что законъ жизни состоитъ въ томъ, чтобы жить не для себя, а для другихъ: жертвуй собою и возьми для тебя дорогамъ на благо другихъ, потому что ты, взятый отдѣльно, ничто; вѣчно, велико и цѣнно только все человѣчество прошедшихъ и будущихъ вѣковъ и поколѣній....

Повидимому, этотъ взглядъ по своему содержанию столько же высокъ, какъ высоко и христіанское ученіе о самоотверженіи и любви къ ближнимъ. Мало того, — уча любить другихъ людей больше себя, онъ кажется какъ будто даже выше, шире и полнѣе ученія объ этомъ Христа. Но это именно только *кажется*. На самомъ же дѣлѣ между ними и христіанскимъ ученіемъ о любви лежитъ громадная разница....

Разбирать детально несостоятельность этого взгляда не входитъ въ нашу задачу. Мы укажемъ здѣсь только главныя причины недостатка въ его, именно: ложное пониманіе имъ сущности христіанской любви и ея проявленій съ одной стороны, а съ другой — отрицаніе всякой индивидуальной дуальности; а съ ней вмѣстѣ, следовательно, ли всякаго самоцѣльнаго жизни отдѣльнаго челоука, который по христіанскому взгляду есть самостоятельная, свободно-разумная и нравственно-ответственная личность, носящая въ себѣ образъ Божій и имѣющая опредѣленную цѣль и задачу жизни....

Сопоставивъ теперь заповѣдь Христа о любви къ ближнему и только что приведенный взглядъ на взаимныя отношенія людей между собою, мы необходимо станемъ лицомъ къ лицу съ слѣдующими двумя вопросами:

- 1) *Вопустима ли любовь челоука къ самому себѣ, какъ отдѣльной личности и*
- 2) *можетъ ли челоукъ любить своего ближняго больше себя самаго?*

Памъ кажется, что рѣшеніе этихъ вопросовъ не будетъ праздною препровожденіемъ времени, — оно имѣетъ громадное практическое значеніе и особенно въ настоящее время, когда всѣ рвутся на служеніе ближнему, не зная какъ и чѣмъ нужно служить ему, когда всѣ кричатъ о самопожертвованіи, не давая себѣ яснаго отчета о томъ, въ чемъ должно выражаться это самопожертвованіе и въ чемъ состоитъ истинное благо другихъ.

Однако, прежде чѣмъ приступить къ рѣшенію этихъ вопросовъ, мы, естественно, должны сказать нѣсколько словъ о томъ, что значить любить себя, т. е. установить опредѣленный взглядъ на то, какой характеръ, смыслъ и значеніе должна носить любовь человѣка къ самому себѣ съ христіанской точки зрѣнія. Установить это тѣмъ болѣе необходимо, что тогда самъ собою разрѣшается и первый поставленный нами вопросъ о законности любви человѣка къ самому себѣ. Вместе съ тѣмъ, зная въ чемъ состоитъ сущность любви человѣка къ самому себѣ, достаточно будетъ перенести эту сущность на наши отношенія къ ближнимъ и получится надлежащая, требуемая христіанствомъ любовь христіанина къ другимъ людямъ, простирающаяся, какъ на духовную, такъ и на тѣлесную жизнь нашихъ ближнихъ.

II.

Всякій долженъ согласиться съ тѣмъ, что не только характеръ, но даже и степень нашей любви всегда строго соответствуетъ объекту ея, т. е. тому лицу, вещи или предмету, на который наша любовь бываетъ обращена. Иначе, напр., мы любимъ растеніе, иначе—животное, и при томъ растеніе мы любимъ именно, *какъ растеніе*, животное — *какъ животное*, т. е. за тѣ именно свойства и качества ихъ, которыя присущи имъ, или какъ растенію, или какъ животному и т. под. Естественно, что выводъ отсюда можетъ быть только такой: *я человекъ*, слѣдовательно и любовь моя къ самому себѣ должна строго соответствовать тому, что соединено съ понятіемъ „человекъ“. А такъ какъ человекъ есть образъ Божій на землѣ, есть опредѣленная нравственная личность, которая по цѣнности своей превосходитъ все богатства міра (Мр. VIII, 36), то само собою понятно, что и любовь человѣка къ самому себѣ есть не что иное, какъ уваженіе къ своей личности—носительницѣ образа Божія и должна, поэтому, выражаться въ постоянномъ стремленіи человѣка быть тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть по идеѣ творенія, въ постоянномъ стремленіи человѣка приблизиться къ своему первообразу и въ концѣ концовъ достигнуть самаго тѣснаго общенія и единенія съ Нимъ.

Такое стремленіе человѣка и понятно и естественно. Если „*никто свою плоть когда возненавидѣлъ, но оставляетъ и грядетъ ю*“ (Еф. V, 29), если всякій стремится къ улучшенію своей вѣншей жизни, если всякому человѣку свойственно стремленіе къ развитію своихъ тѣлесныхъ

силъ, забота о томъ, чтобы быть богатымъ, сильнымъ, здоровымъ, то всякому же человѣку присуще и при томъ гораздо въ большей степени стремленіе быть богатымъ, сильнымъ, прекраснымъ и духовно. Заботиться о себѣ только на половину человѣкъ не можетъ, чувство самосохраненія простирается у него какъ на тѣлесную, такъ и на духовную сторону своего существа. А кто же станетъ возражать противъ того, что богатство, красота человѣческой личности достигается только лишь чрезъ развитіе каждымъ дарованныхъ ему отъ Бога талантовъ, чрезъ нравственное самоусовершенствованіе человѣка, чрезъ живое и тѣсное общеніе его съ Богомъ, какъ источникомъ всякаго совершенства и блага.

И вотъ, эта то забота человѣка о своемъ нравственномъ ростѣ, о развитіи заложенныхъ въ его душѣ добрыхъ нравственныхъ началъ, это стремленіе жить полною жизнью своего существа, стремленіе къ осуществленію въ себѣ своего идеала, къ сохраненію въ себѣ образа Божія и есть въ собственномъ смыслѣ любовь человѣка къ самому себѣ. А такъ какъ идеалъ нашъ, стоя неизмѣримо выше насъ, достигается нами не сразу, но постепенно, то отсюда и любовь человѣка къ себѣ развивается тоже постепенно, по мѣрѣ приближенія человѣка къ своему идеалу—Богу. Въ виду же того, что любовь къ Богу есть не что иное какъ исполненіе Его воли, то, слѣдовательно, чѣмъ больше мы приобретаемъ навыкъ согласовать свою волю съ волею Божественною, чѣмъ больше мы отрекаемся отъ собственной грѣховной воли и замѣняемъ ее въ себѣ святою волею Божіею, тѣмъ сильнѣе проявляемъ любовь къ себѣ. Усовершеняясь, увеличиваясь въ объемѣ, она, наконецъ, достигаетъ того предѣла, дальше котораго въ развитіи не можетъ идти—именно: готовности человѣка пожертвовать жизнью тѣла ради спасенія своей души. Эта важная степень любви человѣка къ самому себѣ на языкѣ св. Писанія называется ненавистью человѣка къ себѣ ради Евангелія (Іоан. XII, 25 и др.), а высокіе примѣры ея являютъ намъ святые подвижники и христіанскіе мученики.

Поставивъ теперь вопросъ—допустима ли любовь человѣка къ себѣ, какъ отдѣльной личности, мы, очевидно, можемъ дать не иной отвѣтъ, какъ только утвердительный, потому что человѣкъ, какъ таковой, не можетъ не заботиться о своемъ духовно-нравственномъ развитіи,—въ противномъ случаѣ онъ перестаетъ быть и человѣкомъ.

Само собою понятно, что такая любовь ни въ какомъ случаѣ

не можетъ быть названа и эгоизмомъ въ томъ смыслѣ и значеніи, какой, обыкновенно, соединяется съ этимъ понятіемъ. Между ними нѣтъ и не можетъ быть ни одной общей точки соприкосновенія, они совершенно различны, совершенно противоположны другъ другу, какъ и по источнику своего происхожденія, такъ равно и по своей цѣли. „*Все для меня и ничего для другихъ*“, говорятъ эгоизмъ. „*Никто не щади своего, но каждый пользы другого*“, написано на знамени любви христіанской. Чтобы еще ярче отгѣнить различіе между любовью и эгоизмомъ, достаточно будетъ вспомнить, что любовь поселила человѣка въ раю, а эгоизмъ изгналъ его изъ Едема.

Но если ужъ необходимо придерживаться общепринятой терминологіи, требующей, чтобы любовь человѣка къ себѣ, какъ бы и въ чемъ она ни проявлялась, должна быть названа эгоизмомъ, то, назвавъ этимъ именемъ христіанскую любовь человѣка къ себѣ, мы должны сказать, что это будетъ эгоизмъ совершенно иной, не унижающій, а возвышающій человѣка; это будетъ, если такъ можно выразиться, эгоизмъ христіанскій, который есть не порокъ, а добродѣтель и при томъ добродѣтель центральная, около которой группируются всѣ другія добродѣтели; это эгоизмъ, безъ котораго жизнь наша едѣлалась бы безцѣльной, свелась бы на ничто, безъ котораго немислимо бы было существованіе въ насъ и любви къ ближнимъ.

III.

Подобно тому, какъ всякое знаніе, прежде чѣмъ мы дадимъ его другому, должно пройти сквозь наше личное сознаніе и принять въ немъ опредѣленную форму и содержаніе, и любовь, чтобы быть живою и дѣятельною, должна прежде всего пройти чрезъ посредство истинной любви человѣка къ самому себѣ. Что мы должны любить въ другомъ человѣкѣ? Несомнѣнно то же, что должны любить и въ себѣ, т. е. образъ Божій, начертанный въ душѣ каждаго человѣка. Но само собою понятно, что цѣнить и любить этотъ образъ въ другомъ мы можемъ при томъ единственномъ условіи, если почитаемъ и цѣнимъ его въ себѣ самихъ. Развѣ мы можемъ дать другому то, чего у насъ нѣтъ, или пожелать того, о чемъ сами не имѣемъ никакого представленія? Конечно, нѣтъ. Но все, что мы ходимъ дать другому, прежде всего должно принадлежать намъ лично.

Такимъ образомъ, любовь къ ближнему, какъ видимъ, тѣсно связана съ любовью человѣка къ самому себѣ. Можно даже сказать, что онѣ также неразлучны, какъ неразлучны огонь и рождающійся отъ него свѣтъ. Когда появляется огонь, появляется и свѣтъ, гаснетъ первый—исчезаетъ и второй; при чемъ сила свѣта всегда, если можно такъ выразиться, равна силѣ огня, или, выражаясь математически, прямо пропорціональна ей.

Въ такомъ же взаимномъ отношеніи находится въ человѣкѣ любовь къ своему ближнему. Такъ, если допустить, напр., что существуетъ такой моментъ, когда въ насъ зарождается любовь къ себѣ, то этотъ же моментъ будетъ непремѣнно и моментомъ зарожденія въ насъ любви и къ другому. Но такъ какъ любовь къ себѣ прирождена человѣку, присуща и неотдѣлима отъ человѣческой природы, то также присуща и неотдѣлима отъ человѣка и любовь его къ своему ближнему, почему и развитіе ея должно идти параллельно съ развитіемъ любви человѣка къ самому себѣ. Это взаимное соотношеніе и зависимость любви человѣка къ себѣ и ближнему прекрасно раскрывается въ слѣдующей аналогіи. Если мы изъ разныхъ точекъ окружности проведемъ радіусы, то увидимъ, что чѣмъ ближе послѣдніе достигаютъ центра, тѣмъ больше и больше приближаются другъ къ другу, пока, наконецъ, все не сольются въ одномъ общемъ центрѣ. Пояснить или комментировать этотъ примѣръ считаемъ излишнимъ,—онъ ясенъ для каждаго безъ всякихъ поясненій.

А если такова взаимная зависимость любви человѣка къ себѣ и любви къ своему ближнему, то понятно, что высшая степень первой необходимо требуетъ отъ человѣка и высшаго проявленія второй; иначе сказать, самоотверженная любовь человѣка къ себѣ требуетъ отъ него и самоотверженной любви къ ближнему, той любви, которая указана въ слѣдующихъ словахъ Спасителя: *„больше сія любви никто не знаетъ, да кто душу свою положитъ за други своя“* (Іоан. 15, 13). Очевидно, что такую жертву человѣкъ въ состояніи принести только тогда, если и любовь къ себѣ достигла своего апогея, такого состоянія, когда человѣкъ съ готовностью можетъ погубить свою душу, чтобы спасти ее (Мѡ. 10, 37—38). Въ такомъ случаѣ эти двѣ любви—къ себѣ и ближнему становятся равными не только по своей силѣ, но и по способу своего проявленія и по своей цѣли: обѣ они выражаются въ готовности отдать свою жизнь,

чтобы вновь найти ее у Христа; оба они сходятся въ томъ же самомъ источникѣ, отъ котораго получили свое начало—въ любви божественной. Они, такъ сказать, совпадаютъ одна съ другою и, соединяясь подобно радиусамъ круга въ одномъ центрѣ, становятся равноцѣнными. Вѣришь: составляютъ тогда не двѣ, а одну любовь, любовь въ полномъ смыслѣ христіанскую, самоотверженную.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что и здѣсь любовь къ ближнему не превышаетъ любви человѣка къ себѣ, но первая совершенно равна второй, т. е. и полагая свою душу „за други своя“ человѣкъ любитъ этого своего друга только *яко самъ себя*, потому что, какъ мы уже говорили, самоотверженная любовь къ самому себѣ должна сопровождаться самоотверженою любовью къ своему ближнему, готовность человѣка пожертвовать жизнью ради спасенія своей души вызываетъ въ чемъ полную готовность положить свою жизнь и за спасеніе души другого.

Свящ. І. Егоровъ.

Вынужденное и неудачное оправданіе баптистовъ, или правда о баптистахъ.

(Продолженіе).

Всѣ вообще сектанты указываютъ на седьмой вселенскій соборъ, обвиняя отцовъ, бывшихъ на немъ, въ веденіи иконопочитанія. Можетъ быть, Павловъ думаетъ, что въ это именно время церковь уклонилась въ заблужденіе? Простительно рядовому сектанту закрывать глаза на истину, но неизвинительно Павлову „историку“ не считаться съ свидѣтельствами исторіи. Не входя въ подробное разсмотреніе вопроса объ иконопочитаніи, мы кратко отвѣтимъ обвинителю Церкви Христовой.

Самый протестъ (возстаніе) противъ иконопочитанія свидѣтельствуешь, что оно существовало ранѣе седьмого вселенскаго собора. Впрочемъ, признавъ иконопочитаніе и дѣломъ отцовъ собора, мы не въ правѣ обвинять церковь въ веденіи новшества, ибо всякое опредѣленіе ея должно служить закономъ для вѣрующхъ и великое постановленіе правиломъ жизни и благочестія. Кто отнялъ у нея права, данныя ей Христомъ и Апостолами, быть хранительницей и истолковательницей истиннаго ученія? Когда она лишилась руководства Св. Духа, наставляющаго ее на всякую истину?